

**БУДУЩЕЕ ВРЕМЯ И ГЛАГОЛЬНЫЙ ВИД ПОД
ВЛИЯНИЕМ ЯЗЫКОВОГО КОНТАКТА В СЛАВЯНСКИХ
МИКРОЯЗЫКАХ ИТАЛИИ**

Futur et aspect verbal : l'influence du contact linguistique dans les microlangues slaves de l'Italie

Future Tense and Verbal Aspect under the Influence of Language Contact in the Slavic Micro-languages of Italy

Walter Breu et Malinka Pila

Édition électronique

URL : <http://journals.openedition.org/res/4058>

DOI : 10.4000/res.4058

ISSN : 2117-718X

Éditeur

Institut d'études slaves

Édition imprimée

Date de publication : 31 décembre 2020

Pagination : 455-470

ISSN : 0080-2557

Référence électronique

Walter Breu et Malinka Pila, «Будущее время и глагольный вид под влиянием языкового контакта в славянских микроязыках Италии », *Revue des études slaves* [Онлайн], XCI-4 | 2020, Выложить онлайн 31 décembre 2021, Наводить справки в 27 janvier 2021. URL: <http://journals.openedition.org/res/4058> ; DOI: <https://doi.org/10.4000/res.4058>

БУДУЩЕЕ ВРЕМЯ И ГЛАГОЛЬНЫЙ ВИД под влиянием языкового контакта в славянских микроязыках Италии

Walter BREU, Malinka PILA
Université de Constance, Allemagne

1. ВВЕДЕНИЕ

Настоящая статья¹ посвящена грамматическим средствам выражения будущего в ситуации абсолютного языкового контакта² двух славянских микроязыков, на которых говорят в Италии, молизско-славянского и резьянского.

Славянские языковые разновидности молизских славян в юго-восточной и резьян в северо-восточной части Италии являются микроязыками, находящимися под сильным влиянием итальянского языка и других романских языковых разновидностей. Наиболее близкими к ним стандартными славянскими языками являются соответственно хорватский и словенский. В то время как предки сегодняшних резьян, по всей вероятности, переселились в резьянскую долину Юлианских Альп уже около тысячи лет назад, иммиграция южных славян из Далмации в холмистую область на Адриатическом море осуществилась не раньше шестнадцатого столетия³.

Поскольку синтетическое образование будущего времени в итальянском языке сильно отличается от традиционных, преимущественно аналитических, средств выражения будущего в славянских языках, будет

1. В статье, данные молизско-славянского языка приводятся В. Броем (§ 2), в то время как резьянским языком (§ 3) занимается М. Пила. Общие теоретические и сравнительные наблюдения (§§ 1, 4) являются результатом дискуссии обоих авторов. Все примеры были собраны во время полевых исследований. Мы благодарны нашим информаторам за их сотрудничество и помощь. Данная статья является переработанной и расширенной версией работы Breu, Pila 2018.

2. Мы говорим об абсолютном языковом контакте, если все носители языка национального меньшинства двуязычные в том смысле, что они также владеют, по крайней мере, главенствующим государственным языком, служащим языком-крышей во всех областях общественной и административной жизни, а также являющимся языком образования. Язык национального меньшинства, употребляемый почти исключительно в устной речи, в таких ситуациях ограничивается обычно повседневной и семейной жизнью.

3. О переселении сегодняшних резьян см. Benacchio (2002: 18-20). Об иммиграции молизских славян из Герцеговины и о штокавско-икавском характере их диалекта см. Ivić (1958: 262-268), Rešetar (1911: 49-90).

интересно узнать, в какой степени системы образования будущего времени южно-славянских микроязыков, о которых пойдет речь, изменились под влиянием государственного языка. Кроме того, возникает вопрос о влиянии на структуру рассматриваемых славянских микроязыков других романских языковых разновидностей данных ареалов, отличающихся в выражении будущего от стандартного языка. Важным вопросом является также употребление форм будущего, в том числе в сложных комбинациях будущего с другими временами (будущее в прошедшем, перфект в будущем, согласование времен), которыми обладает итальянский язык.

Как будет показано в настоящем исследовании, образование будущего времени в обоих микроязыках действительно сильно отличается от соответствующих конструкций славянских стандартных языков в том смысле, что кроме традиционных аналитических форм в них встречаются также и другие конструкции. Наряду с типами образования и употребления аналитических форм будущего времени, речь пойдет о его взаимодействии с глагольным видом⁴.

2. БУДУЩЕЕ ВРЕМЯ В МОЛИЗСКО-СЛАВЯНСКОМ МИКРОЯЗЫКЕ

На молизско-славянском микроязыке говорят всего лишь в трех селах: *Acquaviva Collecroce*, *Montemitro* и *San Felice del Molise*. Примеры в настоящей статье взяты исключительно из говора села *Acquaviva*. О различиях в употреблении форм будущего представителями отдельных поколений носителей молизско-славянского в селах *Acquaviva* и *Montemitro* см. Marra (2005).

Во время иммиграции славянские говоры южной Италии обладали только аналитической формой будущего времени балканского типа, образованной с помощью клитических форм вспомогательного глагола ‘хотеть’ + инфинитив обоих видов, которая сохранилась и в сегодняшнем хорватском стандарте, и в других языках сербохорватской группы. В ситуации тесного языкового контакта с южно-итальянскими говорами региона Молизе развился также и перифраз будущего, выражаемого с помощью клитических форм вспомогательного глагола ‘иметь’ + инфинитив⁵, в то время, как синтетическое образование будущего с помощью окончаний в итальянском (напр., *lavorare* ‘работать’ – *lavorerò* ‘я буду работать’) никак не повлияло на систему молизско-славянского (ни на систему резьянского). Клитические формы вспомогательных глаголов *tit* ‘хотеть’ и *jimat*

4. Об общей структуре категории глагольного вида в молизско-славянском микроязыке, см., например, Breu, Verghaus, Scholze (2017) и – в связи с глоссированными текстами – Breu (2017). О глагольном виде в резьянском микроязыке см. Pila (2018) и в особенности, о функциях префиксов и об интеграции заимствованных глаголов, Брой, Пила & Шольце (2017) и Бенаккьо, Стэнвейк (2017).

5. О будущем типа *habeo ad cantare* в южно-итальянских говорах см. Rohlf's (1968: 335-336). О процессе возникновения будущего обязательности см. Breu (2011: 156-158).

‘иметь, быть должным’ отличаются в молиско-славянском от полных глаголов, по меньшей мере, отсутствием первого слога; ср., например, формы настоящего: *hoću* : *ću* 1SG, *hoćaš* : *ćaš* ~ *š* 2SG, *hoće* : *ća* 3SG, *hoćama* : *ćama* ~ *ćta* ~ *šma* 1PL, *hoćata* : *ćata* ~ *ćta* ~ *šta* 2PL, *hoćaju* ~ *hoću* ~ *hote* : *ćaju* ~ *te* 3PL – *jimat* : *tam* ~ *m* 1SG, *jimaš* : *maš* 2SG, *jima* : *ma* 3SG, *jimata* : *tata* 1PL, *jimata* : *mata* 2PL, *jimaju* : *maju* 3PL⁶. В противоположность хорватскому стандартному языку клитические вспомогательные глаголы всегда предшествуют инфинитиву глагола, даже в начале предложения.

Аналитическая конструкция будущего со вспомогательным глаголом ‘иметь’ встречается также и в истории некоторых других славянских языков (Поляков 2005-2009), в том числе в древнеславянском. Там она, по всей вероятности, развилась под влиянием греческого языка. Хотя с типологической точки зрения имелась и общая возможность развития для такой формы будущего (Birnbäum 1958: 213-220, 275-277). Однако в молиско-славянском традиционность этой формы можно исключить, поскольку в истории сербохорватской группы она не являлась общеупотребительной⁷.

Итак, в современном молиско-славянском микроязыке существует оппозиция двух аналитических конструкций, которые, однако, передают различные модальные оттенки. Можно говорить о «будущем вероятности» (с клитикой *tit* ‘хотеть’) и «будущем обязательности» или «необходимости» (с клитикой *jimat* ‘иметь, быть должным’)⁸.

Вид глагола в инфинитиве не влияет на это модальное различие, т.е. он ограничивается в обеих этих конструкциях акциональными функциями. В целом, можно сказать, что парные (предельные) глаголы в однократных целостных ситуациях требуют исключительно СВ (или двувидовой глагол), ср. (1а-б), но по правилам таксиса в ситуациях полной (2а) и неполной (2б) одновременности встречается также и НСВ. Непредельные и инцептивно-статические глаголы в обеих конструкциях тоже возможны, а именно в несовершенном или нейтральном виде⁹; см. (1в) и (2в):

6. О других формах глаголов *tit* и *jimat* в молиско-славянском см. Breu (2017: 53-55). Особенно интересен тот факт, что при отрицании конструкции будущего со вспомогательным глаголом *tit* отличаются от соответствующих конструкций с полным глаголом со значением ‘хотеть’ также и на синтаксическом уровне, так как в последних значение ‘хотеть’ выражается во всех лицах с помощью частицы *neča* + спрягаемый глагол, напр., *neču rabit* ‘я не буду работать’: *neča rabim* ‘я не хочу работать’.

7. Сам Birnbäum (1958: 270) считал будущее с «*jьтатъ*» в молиско-славянском (и резыанском) результатом чужого влияния: «... unter fremdem Einfluss entstanden (wie im Molisanisch-Serbischen Südtaliens und vermutlich auch im Westslovenischen Resiens)». Подобным образом и Rešetar (1911: 226) утверждает: «... selbstverständlich ist an irgendeinen Zusammenhang mit der gleichen, schon in dem ältesten Kirchenslawischen vorkommenden Verbindung absolut nicht zu denken, denn sie war dem Serbokroatischen seit der ältesten Zeit vollkommen fremd, vielmehr liegt eine Nachahmung der benachbarten italienischen Mundarten [vor]...».

8. В настоящей статье мы не будем заниматься вопросом подробных частных значений этих двух модальных типов форм будущего. Следует, однако, принять во внимание, что термины «вероятность» и «обязательность» являются только приблизительными обобщениями для таких единичных частных значений, как, например, значения договоренности и уверенности в случае «будущего обязательности».

9. Об инцептивно-статических глаголах в молиско-славянском (напр., *znat* ‘знать/узнать’ и *kapit* ‘понять/понимать’) и резыанском языках, выражающих как состояние, так и начало состояния, см.,

- (1a) *Ču sa nfirmat e pa ču ti čit znat.* (СВ – НСВ=СВ, буд. вер.)
 ‘Я осведомлюсь и потом я дам тебе знать.’
 Дословно: «сделаю тебе знать»
- (1б) *Jimam gvandže velke, ke mam te jizist!* (СВ, буд. обяз.)
 ‘У меня большой рот, потому что я тебя (обязательно) съем.’
- (1в) *Sutra ča daždit.* – *Sutra ma daždit.* (НСВ, буд. вер. – буд. обяз.)
 ‘Завтра (вероятно – обязательно) пойдет дождь.’
- (2a) *Kada čas parčivat, gledaj ko je putam.* (НСВ, буд. вер.)
 ‘Когда (в то время как) ты будешь отправляться в путь, смотри, кто находится на улице!’
- (2б) *On ča tvorivat funaštru, kada čaju ga potegnit.* (НСВ – СВ, буд. вер.)
 ‘Он (вероятно) будет (как раз) открывать окно, когда его застрелят.’
- (2в) *Čaju / maju kapit pur zašto nije kulpa moja!* (НСВ=СВ, буд. вер. обяз.)
 ‘Они (вероятно / обязательно) поймут также, почему это не моя вина.’

Кроме того, НСВ предельных глаголов употребляется и в случае неограниченной кратности (хабитуальности) будущих ситуаций; ср. (3а-б). В остальных кратных ситуациях, однако, предпочтительнее СВ, в том числе в суммарных контекстах как, например, (4а), а также и с количественными наречиями типа ‘всегда, каждый день’, как в (4б):

- (3а) *Do sutra ča riviva prije.* (НСВ, буд. вер.)
 ‘С завтрашнего дня он будет (вероятно) приходить раньше.’
- (3б) *Do sutra karbunira maju prohodat naš grad.* (НСВ, буд. обяз.)
 ‘С завтрашнего дня полицейские будут (обязательно) проезжать через нашу деревню.’
- (4а) *Voškigre sin ča do tri vote.* (СВ, буд. вер.)
 ‘В будущем году сын придет (вероятно) три раза.’
- (4б) *Do sutra karbunira čaju/maju pro СВ (~ prohodat НСВ) sfedni naš grad.*
 ‘С завтрашнего дня полицейские будут (вероятно/обязательно) всегда проезжать через нашу деревню.’ (буд. вер. / обяз.)

Наряду с приведенными выше примерами простых типов будущего, которые относятся к будущим ситуациям непосредственно с момента речи, под влиянием романского правила согласования времен, *concordanza dei tempi* (Salvi, Vanelli 2004: 265-266), развилось также и аналитическое «будущее в прошедшем», встречающееся, в принципе, в трех разновидностях.

напр., Брой, Пила, Шольце (2017: 68-70). Они почти все двувидовые, но, по крайней мере, в системе моллизско-славянского с доминированием видовой оппозиции «имперфект : перфект» над видом деривационного типа НСВ–СВ, можно считать их скорее нейтральными по виду. Также и *čit* ‘делать/сделать’ в (1а) нейтральный по виду.

Они образуются, с одной стороны, с помощью клитических форм имперфекта вспомогательных глаголов ‘хотеть’ и ‘иметь’ + инфинитив, ср. примеры (5а-б), и, с другой стороны, форм условного наклонения (кондиционалиса) со вспомогательным глаголом *bi* + причастие на *-l*; ср. (5в). Конструкции будущего в прошедшем с модальными вспомогательными глаголами в целом обладают теми же модальными оттенками как и простые типы будущего¹⁰, в то время как кондиционалис в функции будущего в прошедшем с точки зрения модальности нейтрален:

- (5а) Je mu rekla ka *čaša duvendat* (СВ) boat, ka *čaša jimat* (НСВ=СВ) *čuda dicov*, ka *čaša živit* (НСВ) *čuda gošti*.¹¹ (буд. вер. в прошедшем)
 ‘Она сказала ему, что он (вероятно) станет богатым, что он получит (= у него будет) много детей, что он будет долго жить.’
- (5б) Nranjana naza jene frate, čekahu ka *maša rivat* Izadōra. (СВ, буд. обяз. в прошедшем)
 ‘Спрятанными за кустарником, они ждали прибытия Изадоры.’
 Дословно: «они ждали, что (обязательно) прибудет Изадора»
- (5в) On je reka ka *bi partija*¹² subit. (СВ, буд. в прошедшем, кондиционалис)
 ‘Он сказал, что он немедленно отправится.’ (Дословно: «он бы отправился»)

Имперфекты клитических вспомогательных модальных глаголов типа *čaša* ‘он хотел’ и *maša* ‘он имел, должен был’ являются внутриязыковыми аналогическими новообразованиями, в то время как формы условного наклонения (кондиционалиса) расширили свои функции по образцу романских языковых разновидностей, в которых будущее в прошедшем так же выражается с помощью кондиционалиса.

Кроме того, в молізско-славянском в функции будущего может употребляться и настоящее время. Но, если речь идет об однократном целостном действии, то, в отличие от русского, это возможно только с глаголом НСВ, ср. (6а), в то время как СВ настоящего времени может употребляться

10. Надо, однако, заметить, что будущее вероятности в прошедшем развилось только в говоре села *Acquaviva*, в то время как в других говорах будущее обязательности является единственным модальным будущим в прошедшем. С другой стороны, простое будущее в селе *Montemitro* образуется преимущественно только традиционным способом с помощью вспомогательного глагола *tit* ‘хотеть’, в том числе в случае уверенности (Магга 2005). В обоих случаях оппозиция модальности в будущем, довольно слабо развита. Следовательно, полная система будущих времен встречается только в говоре села *Acquaviva*.

11. В этом предложении встречаются формы будущего вероятности в прошлом с глаголами трех различных акциональных классов: СВ предельной пары *duvendat/duvendivat* ‘стать/становиться’, двувидовой (или нейтральный по виду) глагол *jimat* (иметь/получить) и неопределенный статический глагол *živit* ‘жить’.

12. По фонетическим правилам молізско-славянского гласный *-l* на конце слова превращается в *-a*, ср. **partil* > **partia* > *partija*. Вспомогательный глагол *bi* спрягается, ср., напр., *bima partil* ‘мы бы отправились’.

только в кратных ситуациях¹³. То же самое действительно и для имперфекта в функции будущего в прошедшем в примере (6б), который вариативно мог бы быть выражен и тремя аналитическими типами будущего в прошедшем, данными в скобках¹⁴:

- (6a) Bar sa zatvoriva voškigre. (НСВ, настоящее)
 (= bar ma sa zatvorit СВ, буд. обяз. ~ bar ča sa zatvorit СВ, буд. вер.)
 ‘Бар закроется в будущем году.’ (= закроют бар...)
- (6б) Ndonij je reka ka prohodaša. (НСВ, имперфект)
 (= ... ka maša pro СВ, буд. обяз. в прошедшем ~ ... ka čaša pro СВ, буд. вер. в прошедшем ~ ... ka bi proša СВ, кондиционалис)
 ‘Антон сказал, что он зайдет.’

В молизско-славянском нет формального перфекта в будущем (*futurum exactum*). Функцию выражения действия, уже оконченного в данном моменте будущего, выполняет перфект, у предельных глаголов – перфект СВ; см. (7). В этой функции может, в принципе, употребляться и перфект НСВ, если речь идет о неопредельной ситуации, но довольно редко, так как в таких ситуациях обычно добавляется фазовый глагол СВ типа *furnit* ‘закончить’, напр., *ka sma furnija rabit* ‘когда мы уже закончим работать’. В главной части сложного предложения (7) употребляется будущее вероятности *ča kanjat* (СВ):

- (7) Jenu votu ka sma prisegl, ča kanjat! (СВ, перфект)
 ‘Когда-нибудь, когда мы уже поженимся, он (вероятно) изменится.’

С другой стороны, молизско-славянская глагольная система обладает еще одной инновацией, образованной по образцу итальянского языка. Речь идет об имминентиве, т.е. об аналитическом перифразе из настоящего (8а) или имперфекта (8б) вспомогательного глагола *stat* ‘стоять, быть’ + предлог *za* ‘за’ + инфинитив СВ (Breu 2011: 171-172). Итальянская модель этой формы типа *sta/stava per partire* ‘он как раз собирается/собирался уйти’ считается в итальянских грамматиках (предстоящим) будущим (Rohlf's 1969: 101), хотя она, собственно говоря, связывает временную характеристику с видовой. На самом деле, во многих случаях вне подробного контекста неясно, начался ли уже процесс действия или действие только предстоит:

13. Факультативно СВ настоящего времени может употребляться в однократных ситуациях в зависимой части сложного предложения, а именно в таксисной конструкции предшествования: *kada riva* СВ (~ *riviva* НСВ) ‘когда он придет’. В соответствующих аналитических конструкциях будущего употребляется, конечно, только СВ: *kada on ča/ma rivat* (буд. вер./обяз.).

14. В этом случае молизско-славянское употребление имперфекта также соответствует вариационному употреблению имперфекта вместо будущего в прошлом в итальянском языке. Так, итальянский перевод предложения (6б) звучал бы *Antonio ha detto che passava* (имперфект), с вариантами *Antonio ha detto che sarebbe passato* (кондиционалис II) или *Antonio ha detto che doveva venire*, дословно «... что ему было нужно прийти» (в южно-итальянском разговорном языке, по модели будущего обязательного итальянских говоров со вспомогательным глаголом *avé* ‘иметь, быть должным’).

- (8a) *Grem zvat jenu ženu ka umi čit maminu, aje-ka stoji za sa rodit moja neruta.*
 ‘Я иду звать женщину, которая умеет работать акушеркой, потому что, как раз рождается (~ сейчас родится) моя внучка.’
 Дословно: «... которая умеет делать акушерку, потому что стоит за родиться моя внучка».
- (8б) *Tren stojaša za partit e je čija tjem b a tjem b ga uhitit.*
 ‘Поезд как раз собирался отправиться, а он только что успел на него.’
 Дословно: «Поезд стоял за отправиться, и он сделал вовремя взять его.»

Необходимо еще добавить, что формы простого будущего НСВ молизско-славянского языка обладают также и функцией эпистемического настоящего, хоть и ограниченной обычно унаследованной аналитической конструкцией со вспомогательным глаголом *tit* ‘хотеть’ как, например, в (9а-б)¹⁵:

- (9a) *Oda nijega! Če bit untra žep do grabaš.* (буд. вер.)
 ‘Его здесь нет. Он находится вероятно в брючном кармане.’
 Дословно: «Он будет в брючном кармане.»
- (9б) *Di su one? – Čaju spat.* (буд. вер.)
 ‘Где они? – Они вероятно спят.’

3. БУДУЩЕЕ ВРЕМЯ В РЕЗЬЯНСКОМ МИКРОЯЗЫКЕ

В наши дни на резьянском языке говорят в следующих селах и в их (административных) округах: San Giorgio, Prato, Gniva, Oseacco и Stolvizza. Поскольку в употреблении вида в будущем времени не обнаружилось существенных диалектальных различий, резьянские примеры взяты из разных говоров (с различной фонетикой).

Кроме формы простого будущего глагола ‘быть’, в резьянском встречаются три возможности формального выражения простого будущего, а именно традиционная конструкция с будущим вспомогательного глагола *bet* ‘быть’ + причастие на *-l* и две конструкции со вспомогательными глаголами *tët* ‘хотеть’ и *mët* ‘иметь, быть должным’ в настоящем времени + инфинитив. Относительно спряжения глаголов *tët* и *mët* необходимо заметить, что в отличие от молизско-славянского, резьянский язык, ни в одном из своих говоров, не отличает клитической формы от неклитической.

15. Простой глагольной формы для эпистемического перфекта, в смысле предполагаемого результата действия в прошлом, в молизско-славянском нет. В этом случае надо добавить наречие типа ‘вероятно, может быть, кажется’ к перфекту, например: *Benja je dola mat.* ‘Может быть (что) пришла мать’. Это интересно, потому что в окрестном молизско-албанском микро-языке такой эпистемический перфект (пресумптив) развился под влиянием полисемии вспомогательного глагола *kam* ‘иметь, быть должным’, с которым в албанском образуется перфект, а именно, в противоположность славянскому перфекту, образованному со вспомогательным глаголом ‘быть’ (Vreu 2011: 177-180).

Вышеупомянутые глаголы обладают только одной формой (в многочисленных фонетических вариантах), которая употребляется и тогда, когда они выступают в функции вспомогательных глаголов, и в случае, когда они используются с полным семантическим значением. В качестве примера в следующей таблице приведены формы настоящего времени глаголов *tět* и *mět* во всех их функциях и со всеми фонетическими вариантами в системе говора San Giorgio; ср. Steenwijk (1992: 133):

	(<i>tět</i>)	(<i>mět</i>)
1sg:	<i>čón/çon</i>	<i>měn/man</i>
2sg:	<i>čó/či</i>	<i>měš/maš</i>
3sg:	<i>čę/čę</i>	<i>mě/ma</i>
1pl:	<i>čémǫ/čémǫ/čémǫ</i>	<i>mámǫ/mémǫ/mámǫ/ momǫ/mamǫ/momǫ</i>
2pl:	<i>četa</i>	<i>máta/matě/mata</i>
2pl (pol):	<i>čéte/čéte/čete</i>	<i>matě/matę</i>
3pl:	<i>čéjo/čǫjo/čejjo/čojjo</i>	<i>májjo/mějjo/májjo/ mójjo/mojǫ/majjo/ mojo</i>

Соответствующими глаголами в стандартном словенском языке являются *hoteti* и *imeti*. В словенском языке, как и в резьянском, как правило, отсутствует дифференциация клитических и неклитических форм¹⁶. Однако в словенском языке употребляются «полные формы» этих глаголов (*hočem, hočeš, hoče...; imam, imaš, ima...*), между тем, как в резьянском как в нефинитных, так и в финитных формах оба эти глагола «лишены» первого слога¹⁷. Также важно заметить, что в стандартном словенском языке глаголы *hoteti* и *imeti* обладают только модальной функцией и, как правило, не служат вспомогательными глаголами¹⁸.

16. В разговорной речи, по мнению Šlenc (2006) и авторов SSKJ, допускаются и клитические формы глагола *hoteti* (*čem* 1SG, *češ* 2SG, *če* 3SG и т.д.) для выражения, например, возможности, невозможности, необходимости осуществления действия.

17. Некоторые различия между резьянским и словенским языками обнаруживаются и в области отрицания. В сегодняшнем резьянском микроязыке, в противоположность словенскому, глагол *tět* в настоящем времени обычно не сливается с отрицательной частицей *ni*, ср. рез. *ni čon* : слов. *nočem* 'не хочу'. Слияние глагола *mět* с отрицательной частицей, напротив, характерно и словенскому, и резьянскому языкам, ср. рез. *niman* : слов. *niman* 'не имею'.

18. На самом деле, существуют диалектальные варианты словенского языка, которые, подобно резьянскому, прибегают к глаголам 'хотеть' и 'иметь' для образования форм будущего. По исследованиям Рамоуша (Ramovš 1935: 35, 80, 141) с глаголом 'хотеть' образуют формы будущего времени следующие диалекты и говоры: *terski dialekt*, на котором говорят в Италии в долинах реки Torre, смыкающихся на севере с южной частью «резьянской территории»; *borjanski* и *kobariški govori*, на которых говорят в крайней западной части Словении, недалеко от границы с Италией; *privrški govor*, на котором говорят на юге Словении, на границе с Хорватией. Во всех этих разновидностях словенского формы будущего со вспомогательным глаголом 'хотеть', сосуществуют с формами со вспомогательным глаголом 'быть'. Принимая во внимание географическое распространение этих разновидностей словенского, можно, кроме того, предположить, что и в них языковой контакт, по всей вероятности, играл важную роль в развитии такого типа будущего. В отношении глагола 'иметь' Рамоуш упоминает

В упрощенном виде можно сказать, что в резьянском микроязыке традиционная конструкция (с глаголом *bet*) обычно выражает «будущее вероятности». Конструкция со вспомогательным глаголом *têt*, в отличие от молизско-славянского, передает «будущее обязательное». Надо, однако, заметить, что модальный оттенок вспомогательного глагола *têt* часто вообще не чувствуется. Конструкция со вспомогательным глаголом *mêt*, которая употребляется реже и только в определенных контекстах, наоборот, обычно сохраняет модальный оттенок «предвидения»¹⁹. Во всех этих конструкциях, в принципе, может употребляться как НСВ так и СВ. Как и в молизско-славянском предельные глаголы выражают единичное завершённое действие в будущем с помощью СВ, ср. (10a–б):

(10a) *Zütra çon se zbüdet* (– *bon se zbüdilä*) na ne sädän.
(СВ, буд. обяз. – буд. вер.)²⁰

‘Завтра (обязательно – вероятно) проснусь в 7.’

(10б) *Maš prüt zütra?* (СВ, буд. предв.)

‘Ты придешь завтра?’

Таксисные отношения полной и неполной одновременности, наоборот, требуют НСВ (11a–в)²¹:

(11a) *Zütra ko jäs bon soprašawala, ti boš pïsal kompïte.* (НСВ, буд. вер.)

‘Завтра, когда я буду гладить, ты будешь писать домашние задания.’

(11б) *Zütra rojütrë kar bon peglala, Sandro çë wmot plate.* (НСВ, буд. вер.)

‘Завтра утром, когда я буду гладить, Sandro помое посуду.’

(11в) *Ja çon prodajat strok, ko ti prïdëš.* (НСВ, буд. обяз.)

‘Я буду (обязательно) продавать чеснок, когда ты придешь.’

С глаголами, допускающими процессуальное значение, НСВ выражает также и делимитативный процесс (12):

(12) *Zütra çon peglet* (– *bon peglala*) vas din. (НСВ, буд. обяз. – буд. вер.)

‘Завтра я (обязательно – вероятно) буду гладить весь день.’

только, что он употребляется для образования будущего особенно в Резии (Ramovš 1952: 150); ср. также сноску 7.

19. Во многих случаях этот оттенок соответствует значениям немецкого модального глагола *sollen* ‘нужно, следует, говорят (что)’. Как и в случае молизско-славянского, в этой статье мы не будем подробно заниматься модальными оппозициями резьянского в формах будущего, а ограничимся данными обобщающими терминами.

20. Происхождение приведенных примеров следующее: Oseacco (10a), (13r), (14), (19); Stolvizza (10б), (11б), (12), (21б) (22a) (22б) (25); Lipovaz (11a), (11в), (13a–в), (15a–б), (16), (17), (20) (21a) (24); Gniva (18), (23).

21. Интересно, что в этих случаях в зависимой части сложного предложения употребление конструкции будущего с *têt* или *mêt* исключено (хотя они, конечно, возможны в их первоначальном чисто модальном значении ‘хотеть’, ‘быть должным’). То же самое обнаруживается в условных предложениях.

Несовершенный вид употребляется как в хабитуальных, так и в неограниченно-кратных контекстах (13а-в), однако, на самом деле, только вариативно, наряду с менее употребительным совершенным видом:

- (13а) *Od injyn tä izdë sa cë prodajat (~ prodät) böb.* (НСВ ~ СВ, буд. обяз.)
 – ... *sa bo prodajal (~ prödal) böb.* (НСВ ~ СВ, буд. вер.)
 ‘С сегодняшнего дня, здесь будет (обязательно – вероятно) продаваться фасоль.’
- (13б) *Ćon rüdi dajät (~ dät) mözino.* (НСВ ~ СВ, буд. обяз.)
 – *Bon rüdi dajala (~ dala) mözino.* (НСВ ~ СВ, буд. вер.)
 ‘Я буду (обязательно – вероятно) всегда подавать милостыню.’
- (13в) *Ni vin, ci man rüdi parhajät sama!* (НСВ, буд. предв.)
 ‘Не знаю, буду ли я всегда одна приходить!’

Однако, в контекстах ограниченной кратности резьянский прибегает исключительно к СВ:

- (13г) *Tu lëtu ka prödë, möj muž cë prüt (*parhaät) dwakrät me nalëst.* (СВ, буд. обяз.)
 ‘В следующем году мой муж приедет два раза меня посетить!’

Употребление форм СВ настоящего времени в функции однократного будущего в резьянском языке встречается реже чем в русском, но в отличие от моллизско-славянского, оно не исключено²². Настоящее НСВ в футуральной функции тоже возможно (14):

- (14) *Zütra kupjüwan hrüşke.* (НСВ, настоящее)
 ‘Завтра куплю груши.’ Дословно: «покупаю»

Аналитическое будущее в прошедшем выражается в резьянском посредством следующих конструкций: «настоящее / имперфект вспомогательных глаголов *mët* или *tët* + инфинитив главного глагола» (15а) или же «будущее / имперфект глагола *bet* + причастие на *-l* главного глагола» (15б)²³. НСВ выступает в этих контекстах не только с неопределёнными глаголами (15а), а также и с предельными, выражающими повторяемость действия, хотя в этом случае СВ также не исключен (15б):

- (15а) *Näs tëdan ni so rëkli, da tej wčera to ma (~ mëšë, имперфект) lyt,*
ma to bilo jasno tej no wöko.
 – *Näs tëdan ni so rëkli, da tej wčera to cë (~ tëšë, имперфект) lyt,*
ma to bilo jasno tej no wöko. (НСВ, буд. предвид. – буд. обяз.)

22. СВ обнаруживается, прежде всего, во временных и условных подчиненных предложениях, в которых он может быть замещен конструкцией с глаголом *bet* + причастие на *-l*. Ср. следующий пример из говора San Giorgio в Steenwijk (1992: 184-185): *ko ja ga nalizën (~bon ga nalizal), cön wan ga pokazat* ‘когда я его найду, я вам его покажу’.

23. Подобно моллизско-славянскому аналитическое будущее в прошедшем на основе имперфекта глаголов *tët* и *mët* развилось в резьянском также под влиянием романских языков (*consecutio temporum*). Конструкция с имперфектом глагола *bet* + причастие на *-l* главного глагола является плюсквам-перфектом I.

‘На прошлой неделе сказали, что [как] вчера пойдет дождь, однако, было совсем ясно.’ Дословно: «это было ясно как один глаз»

- (156) Na raklä, da od itoga dnä na *bo* (~ *běšě*, имперфект) *rüdi soprasawala* (~ *soprasala*) *wonä srakice*, *anu jäs nïsi več ji soprasala*. (НСВ ~ СВ, буд. вер.)

‘Она сказала, что с того дня (вероятно) гладить рубашки будет всегда она, и я больше их не гладила.’

Как показывает пример (16), НСВ употребляется и в тех случаях, когда при однократном действии фокус находится на процессе действия (ср. зависимую часть сложного предложения). Но, когда внимание сосредотачивается на достижении результата действия, предпочтение отдается совершенному виду (ср. главную часть предложения):

- (16) *Lej, izdë lale maš srakico soprasano!* *Si bil ti rëkal, da kar ti boš* (~ *běšě*, имперфект) *wmïwala plate*, *jäs tëshon* (имперфект) *ti soprasäit srakico*. (НСВ, буд. вер.; СВ, буд. обяз.)

‘Смотри, здесь вот у тебя поглаженная рубашка! Я тебе сказал, что пока ты будешь мыть посуду, я (обязательно) поглажу тебе рубашку.’

В отличие от молизско-славянского резьянский микроязык не передает будущее действие в прошлом с помощью славянского кондиционалиса типа *bi* (*ba*) + причастие на *-l*. Однако в резьянском можно еще обнаружить некоторые (хотя и весьма редкие) случаи употребления имперфекта НСВ как синтетического средства для выражения будущего в прошедшем:

- (17) *An rëkal, da tej wčera an plačäšë*. (НСВ, имперфект)
‘Он сказал, что (он) [как] вчера заплатит.’

Для передачи перфекта в будущем (*futurum exactum*) в резьянском встречаются две возможности: как и в молизско-славянском его можно передать с помощью перфекта (18), но можно также прибегнуть к конструкции с вспомогательным глаголом *tët* в наст. вр. + инфинитив глагола *bet* + причастие на *-l* главного глагола (19). Вторая конструкция сформировалась, по всей вероятности, под влиянием романских языковых разновидностей, которые в отличие от славянских, обладают специальной таксисной формой для выражения будущего действия, предшествующего другому действию в будущем:

- (18) *Ko boš paršla hurë w Rezijo, ja si wžë ji prödal vas*. (СВ, перфект)
‘Когда ты приедешь наверх в Резию, я уже продам его целиком.’
Дословно: «я уже его продал весь»

- (19) *Ko ti prïdësh gorë w Rezijo, ä çon bet wžë prodol väs strok*. (СВ, перфект в будущем)

‘Когда ты приедешь наверх в Резию, я уже продам весь чеснок.’
Дословно: «я хочу быть уже продал»

В однократных ситуациях, выражаемых перфектом будущего, НСВ у предельных глаголов встречается тогда, когда достижение предела действия не фокусировано. Кроме того, НСВ употребляется в случаях делимитативных действий, как в (20):

- (20) *Ko ti döjděš, jä ćon bit wžě pëla dvi woti.* (НСВ, перфект в будущем)
 ‘Когда ты придешь, я уже попою два часа.’
 Дословно: «я хочу быть уже пела два часа»

В резьянском микроязыке встречается и имминентив, который образуется не с помощью глагола *stat*, как в молизско-славянском, а с помощью настоящего (21а) или перфекта (21б) глагола *bet* + предлог *za* ‘за’ + инфинитив СВ главного глагола. Как указано в (21а), иногда употребляется также вариант с глаголом *tet* ‘идти’. Примеров с НСВ пока не обнаружилось:

- (21а) *Lej, jarbol jë za späst!* (~ *gre za späst!*)
 ‘Смотри, дерево (скоро) упадет!’
 Дословно: «есть за упасть» (~ «идет за упасть»)
- (21б) *An bil za wmrít, ma an ni wmor.*
 ‘Он чуть не умер (~ он умирал), но не умер.’
 Дословно: «был за умереть»

Подобно молизско-славянскому будущему вероятности аналитическая конструкция с будущим глагола *bet* + причастие на *-l* глагола НСВ (22а) в резьянском служит для выражения эпистемического настоящего. Такой же функцией обладает простое будущее глагола *bet* (22б), которое вообще отсутствует в молизско-славянском.

- (22а) *Zate jsi valenj zakoj an servija? – Na vin, to bo wbuwalo rüšice.*
 (НСВ, буд. вер.)
 ‘По-твоему этот яд чему служит? – Не знаю, это (вероятно) убивает муравьев.’ Дословно: «это будет убивать»
- (22б) *Muć or so? – Vojo štirji.*
 ‘Сколько времени? – Вероятно, 4. Дословно: «будет 4»

Конструкция с будущим глагола *bet* + причастие на *-l* глагола *bet* + причастие на *-l* главного глагола передает эпистемическое значение в прошлом²⁴. В этой конструкции возможны оба вида: СВ главного глагола относится к однократному целостному (23) или к многократному действию (25), в то время как НСВ передает процессуальное (24) или, как вторичный вариант, многократное действие (25).

24. Последняя конструкция не обладает футуральным значением. Она используется только для выражения эпистемического значения в прошлом. В молизско-славянском такая конструкция полностью отсутствует.

- (23) *Da muć jabulkow si kúpila wčera? – Ni vin, bon bila kúpila ne dësät.* (СВ, буд. вер.)
 ‘Сколько яблок ты купила вчера? – Не знаю, я (вероятно) купила приблизительно 10 штук’ Дословно: «я буду была купила»
- (24) *Kë ni so bili, ko si paršlä? – Ni vin, bojo bili pëli tu-w carkve.* (НСВ, буд. вер.)
 ‘Где они были, когда ты пришла? – Не знаю, они (вероятно) пели в церкви. Дословно: «будут были пели»
- (25) *Muć letiruw si poslala lani? – Na vin, bon bila poslala (~ šejala) trë rödnë.* (СВ ~ НСВ, буд. вер.)
 ‘Сколько писем ты послала в прошлом году? – Не знаю, я (вероятно) посылала 3 письма в день’ Дословно: «буду была послала/посылала»

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Взаимодействие будущего времени с видом зависит от конкретного типа формы будущего, с помощью которой выражается значение будущего действия, а также от акциональных критериев. Если речь идет об аналитических конструкциях со вспомогательными глаголами *tit* ‘хотеть’ и *jimat* ‘иметь’, то в молизско-славянском микроязыке однократные целостные ситуации требуют исключительно СВ предельных глаголов, как в простом будущем, так и в будущем в прошедшем. То же самое происходит и с кондиционализмом в функции будущего в прошедшем. Настоящее время и имперфект, относящиеся к будущему, напротив, допускают в этом случае в главном предложении только НСВ. В неограниченно-кратных ситуациях в будущем, как раз наоборот, аналитические конструкции обязательно используют НСВ, но при остальных типах кратности тоже предпочтителен СВ. Однако, когда для выражения кратных ситуаций в будущем употребляется настоящее время или имперфект, то, в отличие от однократных ситуаций, факультативно возможен и СВ.

В резьянском микроязыке выбор вида в будущем зависит, главным образом, от акциональных критериев. В аналитических конструкциях с предельными глаголами, для передачи однократных целостных действий обязательно употребляется СВ. К несовершенному виду прибегают для выражения процессуальных, однократных действий. В неограниченно-кратных контекстах предпочитается НСВ. Однако при выражении ограниченной кратности (т.е. суммарного значения) НСВ исключен. В случае эпистемического настоящего НСВ является единственной возможностью, в то время как в случае эпистемического значения в прошлом НСВ вновь выступает при процессуальных или многократных действиях. Формы настоящего времени для выражения будущего однократного действия в принципе возможны с обоими видами, но в зависимой части временных

и условных предложений однократное целостное действие выражается обязательно СВ.

Конструкция со вспомогательным глаголом ‘хотеть’ в молиско-славянском является унаследованной формой, точно также как конструкция с ‘быть’ в резьянском, в то время как конструкции с ‘иметь’ в обоих микро-языках возникли, по всей вероятности, под влиянием языкового контакта с романскими языками. Несомненно также, что и функция будущего в прошедшем у кондиционалиса в молиско-славянском является результатом романского влияния. Происхождение конструкций с ‘хотеть’ в резьянском до сих пор еще не ясно, хотя влияние языкового контакта правдоподобное, но, в любом случае, она кажется второстепенной по отношению к конструкции со вспомогательным глаголом ‘быть’, существующей также и в словенском.

Интересно, что в обоих микроязыках эпистемическая функция ограничивается, главным образом, первоначальным будущим с ‘хотеть’ (Молизе) и соответственно с ‘быть’ (Резия), т. е. независимо от конкретного вспомогательного глагола.

Интересно, кроме того, что конструкции будущего двух микро-языков с соответствующими вспомогательными глаголами *tit* (Молизе) – *tët* (Резия) и *jimat* (Молизе) – *mët* (Резия) различаются как раз их модальными оттенками (которые, однако, не всегда ярко выражены). С другой стороны как в молиско-славянском так и в резьянском можно говорить, в принципе, о второстепенной редукции традиционного чисто временного будущего до модального будущего вероятности вследствие индукции будущего обязательности. До какой степени разницы между двумя микроязыками отражают различия в соответствующих конструкциях отдельных доминирующих романских языковых разновидностях, все еще не ясно. Такой вопрос возникает, между прочим, и в отношении перфекта в будущем, который есть в резьянском, но отсутствует в молиско-славянском микроязыке.

ЛИТЕРАТУРА

- БЕНАКЬО Розанна, СТЭНВЕЙК Хан. 2017. « Грамматикализация глагольного вида в резьянском диалекте: исконно-славянская и романская лексика », Rosanna BENACCHIO, Alessio MURO, Svetlana SLAVKOVA (eds.), *The role of prefixes in the formation of aspectuality: issues of grammaticalization* (Biblioteca di Studi Slavistici), Firenze, Firenze University Press, p. 23-39.
- Брой Вальтер, Пила Малинка, ШОЛЬЦЕ Ленка. 2017. « Видовые приставки в языковом контакте (на материале резьянского, молиско-славянского и верхнелужицкого языков) », Rosanna BENACCHIO, Alessio MURO, Svetlana SLAVKOVA (eds.), *The role of prefixes in the formation of aspectuality: issues of grammaticalization* (Biblioteca di Studi Slavistici), Firenze, Firenze University Press, p. 59-84.

- BENACCHIO Rosanna. 2002. *I dialetti sloveni del Friuli tra periferia e contatto*, Udine, Società filologica friulana.
- BREU Walter. 2011. « Il verbo slavomolisano in confronto con altre lingue minoritarie: mutamento contatto-dipendente, resistenza e sviluppo autonomo », Walter BREU (a cura di), *L'influsso dell'italiano sul sistema del verbo delle lingue minoritarie. Resistenza e mutamento nella morfologia e nella sintassi*, *Diversitas Linguarum*, n° 29, p. 149-184.
- BREU Walter. 2017. *Slavische Mikrosprachen im absoluten Sprachkontakt. Glossierte und interpretierte Sprachaufnahmen aus Italien, Deutschland, Österreich und Griechenland*, Band I. *Moliseslavische Texte aus Acquaviva Collecroce, Montemitro und San Felice del Molise*, *Slavistische Beiträge*, n° 505, Wiesbaden, Harrassowitz Verlag.
- BREU Walter, BERGHAUS Jasmin, SCHOLZE Lenka. 2017. « Der Verbalaspekt im totalen Sprachkontakt. Moliseslavisch, Obersorbisch und Burgenlandkroatisch im Vergleich », Walter BREU, Tilmann REUTHER (Hrsg.), *Slavistische Linguistik 2014*, *Wiener Slawistischer Almanach*, n° 77/2016, s. 55-116.
- BREU Walter, PILA Malinka. 2018. « Взаимодействие будущего времени с глагольным видом в молизско-славянском и резьянском микроязыках », Tatiana MILLIARESSI (ed.), *la Relation temps/aspect: approches typologique et contrastive*, Lille, UL3 – Éditions du conseil scientifique, p. 129-138.
- IVIĆ Pavle. 1958. *Die serbokroatischen Dialekte*, Band I, The Hague, Mouton.
- MARRA Antonietta. 2005. « Mutamenti e persistenze nelle forme di futuro dello slavo molisano », Walter BREU (a cura di), *L'influsso dell'italiano sulla grammatica delle lingue minoritarie. Problemi morfologici e sintattici*, *Studi e Testi di Albanistica*, n° 17, p. 141-166.
- PILA Malinka. 2017. « Die Verwendung der perfektiven Präsensformen im Russischen, Slovenischen und heutigen Resianischen », Barbara SONNENHAUSER, Caroline TRAUTMANN, Daniel HOLL, Patrizia NOEL AZIZ HANNA (Hrsg.), *Diskussionsforum Linguistik*, n° 6, *Bavarian Working Papers in Linguistics* 6. epub.ub.uni-muenchen.de/34734/
- PILA Malinka. 2018. « Вид глагола в резьянском микроязыке в северо-восточной Италии », Sebastian KEMPGEN, Monika WINGENDER, Ludger UDOLPH (eds.), *Deutsche Beiträge zum Internationalen Slavistenkongress Belgrad 2018*, Wiesbaden, Harrassowitz, s. 247-256.
- POLJAKOV Oleg. 2005-2009. « Die Bildung des Futurs in den slavischen Sprachen », *Slavistica Vilnensis*, n° 54/2, p. 65-82.
- RAMOVŠ Fran. 1952. *Morfologija slovenskega jezika*, Ljubljana, DZS.
- RAMOVŠ Fran. 1935. *Historična Gramatika slovenskega jezika*, VII, *Dialekti*, Ljubljana, Učiteljska Tiskarna.
- REŠETAR Milan. 1911. *Die serbokroatischen Kolonien Südtaliens*, Wien, Alfred Hölder.
- ROHLFS Gerhard. 1968. *Grammatica storica della lingua italiana e dei suoi dialetti. Morfologia*, Torino, Einaudi.
- ROHLFS Gerhard. 1969. *Grammatica storica della lingua italiana e dei suoi dialetti. Sintassi e formazione delle parole*, Torino, Einaudi.

- SALVI Giampaolo, VANELLI Laura. 2004. *Nuova grammatica italiana*, Bologna, Il Mulino.
- STEENWIJK Han. 1992. *The Slovene dialect of Resia. San Giorgio*, Amsterdam – Atlanta, Rodopi.
- ŠLENC Sergij. 2006. *Veliki slovensko italijanski slovar*, Ljubljana, DZS.
- SSKJ *Slovar slovenskega knjižnega jezika*, bos.zrc-sazu.si/sskj.html